



УДК 81'1  
ББК 81.00

## ДИСКУРСИВНАЯ ТАКТИКА ЗЛОПОЖЕЛАНИЯ (ПРЯМЫЕ ФОРМЫ ОБЪЕКТИВАЦИИ: ОБРАЩЕНИЯ К МОГУЩЕСТВЕННЫМ СИЛАМ ПРИРОДЫ)

*И.И. Чесноков*

Описываются психический эпицентр, мотив, цель, стратегии и тактики виндиктивного дискурса. Получает освещение тактика злопожелания как структурная составляющая названного вида знаковой деятельности. Анализируются прямые формы объективации данной тактики, являющиеся обращениями к могущественным силам природы.

**Ключевые слова:** *концепт «месть», виндиктивный дискурс, стратегия проклятия, тактика злопожелания, прямые формы объективации.*

Эмоциональный концепт, представленный в русскоязычном обыденном сознании ключевым словом *месть*, находит свое выражение не только в предметно-практической, но и возникшей на ее основе знаковой деятельности, которая характеризуется фрустрационной обусловленностью, осознанностью, целенаправленностью, агрессивностью и по прагматическим параметрам определяется нами как виндиктивный дискурс (далее – ВД) [6, с. 7–8].

Глубинным психологическим мотивом данного вида знаковой деятельности является потребность индивида в эмоционально-энергетической разрядке, которая трансформируется в целевую установку, связанную с устранением источника фрустрации (или замещающего его объекта) и установлением границы, отделяющей свое (безопасное) от чужого враждебного пространства. Реализуется данная целевая установка в стратегиях устрашения и проклятия и соответствующих им тактиках угрозы, а также изгнания, поругания и злопожелания.

Поскольку целевая установка ВД сводится к установлению вышеназванной границы, а последняя в конечном счете определяется волей осуществляющего знаковую дея-

тельность субъекта, то тактику злопожелания (как, впрочем, и другие структурные составляющие изучаемого вида знаковой деятельности – тактики угрозы, изгнания и поругания) можно рассматривать как вспомогательный способ (или прием), который используется им для утверждения своей воли.

Изучаемая тактика рассматривается нами как знаково оформленный акт волеизъявления (а в наличной конфликтной ситуации общения – директивно-экспрессивный акт), нацеленный агентом социального действия на лишение своего оппонента жизни или причинение ему физических и / или моральных страданий.

Реализуется данная тактика (как и другие тактики ВД) в прямых и косвенно-производных формах.

К прямым формам объективации тактики злопожелания мы относим древнейшие, основанные на принципе гомеопатической магии «подобное производит подобное», заклинания, которыми субъект ВД доказывал желаемое через моделируемое или действительное (например: *Как на восине лисья вянуць, так пусть у злодея руки, ноги отсохнуць*) [6, с. 246–251].

Полагаем, что если эффективность основанных на названном принципе магических процедур по тем или иным причинам ставилась субъектом ВД под сомнение, то он обращался за помощью к одушевленным силам природы. Опора на третью могущественную

силу для разрешения конфликта в свою пользу, как уже отмечалось при описании тактики угрозы [6, с. 155–195], является психологической универсалией. Эта универсалия проявляла себя и при реализации тактики злопожелания и, соответственно, влияла на формы ее представления.

Рассмотрим следующий пример – магическую процедуру, которая предназначалась для того, чтобы испортить человека, и которую условно можно назвать навязыванием кил:

Чтобы испортить кого-либо, необходимо взять шерстяную нитку и навязать на ней узлы. Эту нитку нужно бросить где-либо в таком месте, в котором мог бы наступить на нее тот, кого нужно испортить. <...> При завязывании каждого из 13 узлов говорится:

«По позднему вечеру выйду я на улицу, и откажусь я от Иисуса Христа, от царя земного, от Бога вышнего, от веры православной, от батюшки, от матушки. Предаюсь я к нечистому духу, к окаянной силе, прошу я ей помощи, чтобы она помогла ей и пособила: поступаю я на вора-разбойника, на денного грабильщика, на ночного полуношника на (имярек). Я хочу его свержить, хочу я его испортить: хоша среди дня, хоша среди ночи, хоша в чистом поле, хоша в темных лесах, хоша в зыбучих болотах, хоша сонного, хоша дремучаго, хоша в терему, хоша за столами дубовыми, хоша со яствами медовыми, хоша пошел бы он и запнулся бы, самого себя заклинул бы. Окаянные духи, придайте мне силы, помогите и пособиите мне, чтобы не было (имярек) ни в день житья, ни в ночь спанья, ни в час моготы, ни в полчаса терпежу. Хоть бы схватило его грыжами или стрелами, взяло бы его в минуту или в две, и узнал бы он все скорби и печали».

Заклинание произносится обыкновенно вечером, причем заклинатель непременно должен быть без креста. Знатоки этого дела советуют перед началом убить совершенно черного кота или кошку. Коль скоро тот, для кого приготовлено заклинание, наступит на заговоренную нитку, то он споткнется, и, если при этом скажет какое-либо скверное слово, заговор начнет свое действие [3, с. 373].

В данной магической процедуре ключевые, направленные непосредственно на причинение оппоненту вреда, знаковые (невербальные) действия выстраиваются в полном соответствии с принципами симпатической магии: навязывание узлов имитирует образование опухолей в чреве оппонента (отсюда, вероятно, и устойчивая речевая структура

*Будь ты киловат!* [1, т. 2, с. 108]), а подбрасывание нитки ему «под ноги» обеспечивает необходимый для реализации поставленной цели контакт обрядового предмета с объектом воздействия.

Данные знаковые действия, в свою очередь, предварялись рядом других, ориентированных на сближение субъекта ВД с нечистой силой: убийством черного кота и снятием нательного креста. Кроме этого навязывание каждого из 13 узлов (количество которых, вероятно, также не является случайным: 13 – чертова дюжина) сопровождается произнесением словесной формулы. Коммуникативно-прагматическим ядром этой формулы является обращенная субъектом ВД к окаянным духам просьба придать ему силы и помочь в реализации поставленной цели. Поскольку рассматриваемый пример относится к позднему периоду развития русской лингвокультуры, связанному с ее христианизацией, то данная просьба предваряется рядом других вербальных действий, направленных на обеспечение перехода субъекта ВД «на другую сторону», то есть из православного мира в распоряжение нечистого духа, и тем самым приобретение им права обращаться к последнему с просьбой. Для этого субъект ВД декларирует свой отказ от Иисуса Христа, веры православной и родителей и, соответственно, предание «к нечистому духу», «к окаянной силе». Кроме этого он детально (с указанием социального статуса и имени оппонента) излагает суть своего желания, аргументируя тем самым свою просьбу. Названные вербальные действия (по Дж. Серлю [4, с. 160–169]) и создают условия, необходимые для успешной реализации просьбы, а вместе с этим – и всей магической процедуры.

Сама просьба, а также направленные на обеспечение ее успешной реализации невербальные и вербальные действия требуют совершенно определенных морально-волевых и временных затрат и делают магическую процедуру достаточно громоздкой. Но поскольку все эти действия связываются в сознании субъекта ВД с повышением эффективности «главного удара» (представленного навязыванием на нитку узлов и подбрасыванием ее оппоненту «под ноги»), то они получают де-

тальную семантическую проработку и становятся необходимым структурным компонентом магической процедуры.

Более того, думается, что вера в возможность посредством знаковых (и прежде всего – вербальных) действий оказывать влияние на могущественные силы природы и побуждать их «работать» на реализацию тех или иных желаний, в том числе и злопожеланий, способствовала снижению активности субъекта ВД, связанной с производством им знаковых действий, направленных непосредственно на причинение оппоненту вреда. Как показывает материал, многие объективирующие тактику злопожелания магические процедуры представляли собой обращенные субъектом ВД к могущественным силам природы просьбы или мольбы причинить его оппоненту вред и не предполагали осуществление им самим каких-либо направленных непосредственно на него вредоносных знаковых действий.

Например, для того, чтобы обессилить противника, сделать его непригодным для жизни, осуществлялась магическая процедура, которую Е. Елеонская со ссылкой на Сборник заговорных текстов XVII в. из Олонецкой губернии описывает следующим образом:

В действии употребляют хлеб и яйца, которые символизируют более крупное приношение. Хлебные колобки, необходимые при действии, нужно изготовить особым способом: «Возьмешь **гѣ** зернят житных и мелешь против солнца и варишь **гѣ** колобков в коробочки в лесе, в ямки», затем взять яйцо не просто, а положить в него волос с головы противника «возьмешь с головы волосок и положишь в яйцо в белое не вареное и запечатаешь серою». Эти колобки и яйцо требуется взять с собою в лес на солнечном закате к осине, из которой нужно вырубить одним ударом «от себя» щепку и затем стать около муравейника к западу лицом: на вырубленной щепке положить на дерево колобки, а яйцо закопать в муравейник. Исполнив это, обращаются к тем, у кого пришли искать помощи. Заговор начинается обычной вступительной формулой, но произносится она в отрицательной форме: «*Лягу, не благословясь, стану, не перекрестясь*». Эта отрицательная форма является показателем того, что заговор произносится не на добро. Носителями недоброго являются умершие, и не получившие погребения, и такие вообще, которые неизвестны – чужие покойники: «*стану будити умерших, – говорится в заговоре, – станьте умершие,*

*разбудите убитых; станьте убитые, разбудите усопших; станьте усопшие, разбудите с древа падиших; станьте с древа падишие, разбудите заблудящих; станьте заблудящие, разбудите некрещеных; станьте некрещенные, разбудите безымянных*». Перечислив таких покойников, которые могут оказать помощь и причинить вред противнику, читающий заговор указывает на те дары, которые он принес: «*да яз к вам пришел русской человек, а принес к вам чесной обед, русской поминок, белую лебедь, а в белой лебеди знадьбу принес от раба (имя противника), и вы по той знадьбе возьмите сего раба (имя противника), от котораго яз вам принес знадьбу и белую лебедь*», цель принесения даров ясна, они плата за помощь: «*и вы по той знадьбе возьмите сего раба (имя противника) и вы того раба возьмите себе на збережение и на свои руки, да возьмите себе ум и память, не дайте ему в ночи спать, ни в день дела делать, ни с людьми беседовати, ни на соби платья носити, держите вы его, докулева яз к вам не буду с обедом и с белым лебедем; а от меня вам белая лебедь за вашу службу*» [2, с. 937–938].

Из приведенного описания вредоносной магической процедуры видно, что все внимание субъекта ВД сфокусировано на том, как умиловить мертвых и побудить их «работать» на реализацию его желания. Для этого он изготавливает обрядовые предметы (хлебные колобки и яйцо со «знадьбой»), выбирает место и время для проведения с ними определенных манипуляций и сопровождает последние необходимой заговорной формулой. Коммуникативно-прагматическим ядром этой формулы и является обращенная к мертвым просьба обессилить противника. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что по замыслу субъекта ВД бессилие его противника должно продолжаться столько времени, сколько ему (то есть субъекту ВД) необходимо для разрешения конфликта в свою пользу. Поэтому, как отмечает цитируемый автор, к данному заговору прилагается отговор, представляющий собой тот же самый текст, что и заговор, только с прямо противоположной направленностью: «*отступите от него прочь, нарядите его умна и памятна по старому, в день бы делал, а в ночи бы спал, и в платьи ходил и с людьми бы беседовал*» [там же]. Все это позволяет говорить о том, что, осуществляя данную магическую процедуру, субъект ВД вы-

ступает в качестве своеобразного программиста, который задает исполнителю определенные параметры деятельности, направленной на причинение его (то есть субъекта ВД) оппоненту вреда, а сам как бы остается в стороне от будущих желаемых событий.

При реализации тактики злопожелания субъект ВД опирался не только на нечистую силу (в том числе и вредоносных покойников), но и на богов. В дохристианский период – на Перуна [6, с. 137], а в христианский – на оттеснивших языческого бога в область нечистых сил библейского Бога-отца, Богородицу и Иисуса Христа (последние нередко упоминались вместе с архангелами и святыми). При этом если тактика злопожелания направлялась против нечистых сил или связанных с ними людей (колдунов), то субъект ВД опирался на богов, а если против «простых смертных», то и на тех, и на других (примеры см.: [3]).

Тактика злопожелания, оформленная как просьба или мольба к богу покарать противника, являет себя в качестве смыслового ядра не только заговорных формул, но и обрядовых песен.

Так, например, в исполнявшейся известной поэтессой-вопленицей И.А. Федосовой похоронной песне – «Плаче по старосте» – причитание по крестьянину, погибшему от унижений со стороны царского чиновника, сопровождалось злопожеланием, представленным в виде мольбы к богу покарать обидчика. См.:

Вы падите-тко, горячи мои слезушки,  
 Вы не на воду падите-тко, не на землю,  
 Не на божью вы церковь, на строеньице,  
 Вы падите-тко, горячи мои слезушки,  
 Вы на этого злодея супостатного.  
 Да вы прямо ко ретивому сердечушку!  
 Да ты дай же, боже-господи,  
 Штобы тлен пришил на цветно его платьице,  
 Как безумице во буйну бы головушку!  
 Еще дай, да боже-господи,  
 Ему в дом жену не умную,  
 Плодить детей неразумных!  
 Слыши, господи, молитвы мои грешные!  
 Прими, господи, ты слезы детей малых!  
 (цит. по: [5, с. 180]).

Следует отметить, что здесь тактика злопожелания реализуется не тайно (интимно), а явно, в присутствии слушателей (близких умершему людей), и по отношению к ним выполняет фатическую функцию.

Итак, потребность субъекта ВД в опоре на третью могущественную силу для причинения вреда своему оппоненту предопределяла формирование в его языковом сознании еще одной формы воплощения тактики злопожелания. Данная форма представляла собой обращенную к этой самой силе просьбу или мольбу, которая выражалась инвариантными императивными конструкциями: а) сделай кому-л. что-л. плохое, б) сделай так, чтобы кому-л. было плохо, в) пусть кому-л. будет плохо, г) хоть бы кому-л. было плохо и др.

В заключение подчеркнем, что все вышеописанные формы объективации тактики злопожелания являются продуктами особого состояния сознания, в котором знаковое действие обретает властную силу и овладевает сутью вещей.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2 / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1979. – 780 с.
2. Елеонская, Е. Вредоносные заговоры. Три заговора из Сборника 17-го века / Е. Елеонская // *Slavia: casopis pro slovanskou filologii*. – 1929. – Roc. 8, Ses. 4. – S. 934–939.
3. Забылин, М. Русский народ: Его обычаи, предания, обряды / М. Забылин. – М. : Эксмо, 2003. – 606 с.
4. Серль, Дж. Р. Что такое речевой акт? / Дж. Р. Серль // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XVII : Теория речевых актов. – М. : Прогресс, 1986. – С. 151–169.
5. Соколов, Ю. М. Русский фольклор / Ю. М. Соколов. – М. : Гос. учеб.-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1941. – 560 с.
6. Чесноков, И. И. Мечь как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Чесноков Иван Иванович. – Волгоград, 2009. – 334 с.

**THE DISCOURSIVE TACTIC OF EVIL WISH  
(DIRECT FORMS OF PRESENTATION:  
APPEALS TO THE POWERFUL FORCES OF NATURE)**

*I.I. Chesnokov*

Mental epicentre, motive, aim, strategies and tactics of vindictive discourse are described. Tactic of evil wish as a structural component of the above mentioned type of speech activity gets enlightenment. Direct forms of presentation of this tactic, which are appeals to the powerful forces of nature, are analysed.

**Key words:** *concept "revenge", vindictive discourse, strategy of curse, tactic of evil wish, direct forms of presentation.*